

*А.С. Кручинин
зав. отделом военно-исторического наследия
Дома Русского Зарубежья*

Флаг, герб или игра фантазии?

Военно-морской флаг с крестом Святого Апостола Андрея Первозванного, учрежденный еще Петром I, не только в течение более чем двух столетий осенял корабли императорского флота в славные и в тяжелые часы их боевой службы, но и стал основой или, наоборот, элементом ряда других флагов, использовавшихся на кораблях и зданиях морского и военного ведомств. К началу XX в., согласно Морскому уставу (Свод морских постановлений. Кн. 10: Морской устав. Пг., 1914. С. 200–219), насчитывалось около двух десятков таких флагов, присвоенных определенным должностным лицам (наместник или главнокомандующий, морской министр и его товарищ, начальники Морского генерального штаба, Главного штаба, Главного гидрографического управления, командующие морскими силами Балтийского и Черного морей и Сибирской флотилией, флагманы — отдельно по чинам для «полного» адмирала, вице- и контр-адмирала и др.), категориям кораблей, судов и плавучих средств (транспортные, портовые, гидрографические, суда и плавучие средства морских

крепостей, «комплектуемые военнотружущим личным составом или состоящие под командой офицера»), а также морским собраниям. Среди такого разнообразия продолжают, впрочем, встречаться и изображения, ставящие в тупик и если и поддающиеся интерпретации, то весьма гипотетической.

Одно из них мы видим на небольшом (18×12 см) блюде овальной формы, впервые экспонированном на выставке «Военное застолье дома и на чужбине» (Дом Русского Зарубежья им. А.И. Солженицына, Москва, декабрь 2022 — февраль 2023; инв. ВХ-3230/69; дар Русского исторического общества в Австралии). Основу изображенной на блюде композиции составляет Андреевский флаг, являющийся полем гербового щита «французской» формы (в геральдических терминах — «в серебряном поле две лазоревые перевязи, образующие Андреевский крест»); в центре креста — красный круглый щиток («круглый Византийский», по официальной русской терминологии: ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 32. Отд. 1. СПб, 1858. С. 306; № 31720) с золотой каймой и полустершимся рисунком, в котором скорее угадывается Святой Георгий; щиток наложен на якорь, вертикально поставленный рымом («кольцом») вверх, и скрещенные мечи клинками вниз, якорь и мечи — золотые, как и кайма центрального щитка; большой щит увенчан золотой короной, напоминающей Императорскую (насколько вообще можно рассмотреть ее детали и структуру) с красным «подбоем».

Сочетание Андреевского флага с московским гербом (в красном поле Святой Георгий, поражающий змия) хорошо известно, представляя собою Георгиевский кормовой флаг — коллективную награду «кораблям за оказанные в сражении подвиги». Однако, помимо крайней малочисленности таких награждений («Азов» и «Меркурий» и называемые в их память), эти флаги отличаются от интересующего нас изображения формой щита, — согласно официальному рисунку в Морском уставе, внешняя его кайма соответствует «французской» форме («четвероугольная с острою внизу оконечностию» по ПСЗРИ), а собственно красный щит отличается и от нее, будучи прямоугольным с закругленными углами и «острыми оконечностями» как на верхней, так и на нижней сторонах, — не говоря уж об отсутствии мечей и якоря. Загадывает свою загадку и императорская корона, которая в русской геральдике была элементом государственного герба, гербов столиц, губерний и губернских городов; все они, разумеется, известны наперечет, и подобного описанному среди них заведомо нет. В то же время высокий «статус» как флажных, так и геральдических элементов композиции должен был бы соответствовать и столь же высокому статусу владельца, и, пожалуй, можно было бы

предположить принадлежность сервиза (к которому, вероятно, относилось сохранившееся блюдо) разве что какой-либо из императорских яхт или приморских императорских же резиденций, с меньшей вероятностью — одному из флотских экипажей (поскольку корона вообще была частым элементом полковых знаков, а рисунок, аналогичный Георгиевскому флагу, присутствовал на вымпелах кораблей Гвардейского экипажа или комплектуемых из экипажей, которые имели «Георгиевские знаменные флаги», пожалованные за защиту Севастополя).

Однако возможно и гораздо более прозаическое толкование. Согласно надписи на доньшке, блюдо было плодом французского производства («Theodore Haviland / Limoges / France / Patent applied for / Agents / Marcerou, Schreter et C-ie / Port Arthur»), — а ведь хорошо известен ажиотаж, охватывавший французское общество на рубеже XIX–XX вв. в связи с франко-русским союзом. Так, в дни визита в Париж русской императорской четы осенью 1896 г. «все стало русским или псевдо-русским: мыло «Le Tsar», конфеты с русским гербом или флагом, посуда с царскими портретами, игрушки, изображавшие русского медведя, а также Государя, Государыню и даже [десятимесячную] Великую Княжну Ольгу; Царя изображали масленичные «прыгающие чертики», известная игрушка «мужик и медведь» превратилась в Царя и [президента Франции] Феликса Форэ... [...] Во всем этом было немало безвкусицы, но увлечение было несомненно искренним» (*Ольденбург С.С. Царствование Императора Николая II. Т. 1. Белград, 1939. С. 68*). Один из сохранившихся памятников тогдашнего безудержного буйства фантазии ныне выставлен в Государственном Эрмитаже (экспозиция «Министерство иностранных дел России» в здании Главного штаба): дамский корсет (!), покрытый миниатюрными изображениями перекрещенных французского и русского государственных флагов.

На таком фоне решение неизвестного художника, сочетавшего в своей композиции Андреевский флаг, московский герб, императорскую корону и военно-морскую атрибутику следует признать хотя и слишком смелым в своем произволе (изобретении несуществующего герба), однако до некоторой степени мотивированным, отличающимся известным вкусом и не противоречащим общей стилистике подобных изображений. Не имея достаточных оснований для определенного вывода, мы склоняемся все же к версии о неофициальном характере рисунка — игры творческого воображения, воодушевленного франко-русским союзом.